

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

ПОВРЕМЕНИ СПИС

ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

УРЕЂУЈЕ

А. Б Е Л И Ћ

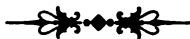
УЗ

СТАЛНУ САРАДЊУ

г. г. А. МЕЈЕ-А, проф. Collège de France, А. СТОЈИЋЕВИЋА, проф. Унив. у
Љубљани, К. НИЧА, проф. Унив. у Кракову, † Љ. СТОЈАНОВИЋА, акад. у
Београду, М. РЕШЕТАРА, б. проф. Унив. у Загребу, О. ХУЈЕРА, проф. Унив.
у Прагу, Р. НАХТИГАЛА, проф. Унив. у Љубљани, СТ. ИВШИЋА, проф. Унив.
у Загребу, СТ. М. КУЉБАКИНА, проф. Унив. у Београду, ФР. ИЛЕШИЋА,
проф. Унив. у Загребу, ФР. РАМОВША, проф. Унив. у Љубљани и Х. БАРИЋА
проф. Унив. у Београду

КЊИГА IX

ШТАМПАЊЕ ОВЕ КЊИГЕ ПОТПОМОГНУТО ЈЕ ИЗ ЗАДУЖБИНЕ
д-ра ЉУБ. РАДИВОЈЕВИЋА С. К. АКАДЕМИЈЕ

ДРЖАВНА ШТАМПАРИЈА
КРАЉЕВИНЕ ЈУГОСЛАВИЈЕ
БЕОГРАД, 1930

Kao što se vidi iz te statistike, imamo u knjizi „Čujte, čujte itd.“ za *debeo* forme od osnove *mor-*, nijedne od osnove *more-* (ili *mog-*), samo što za sing. i dual uopće nema primera. Broj svih primera nije veliki, nije veći od primera sa osnovom *mora-* (6:6). Ali fakat što nema *more-* znači ipak nešto u vezi sa jednakom pojavom u „Drobtinicama“.

S druge strane ni u toj knjizi *possum* nije nikada *mor-* nego uvek *more-* (*mog-*).

Sve tri knjige Slomšekove, odnosno sve te tri knjige pisane u Slomšekovom krugu, daju isti rezultat: za pojam *debeo* osnova *mor-* i *mora-*; ali je *mor-* (sem u sing. prez.) u većini, te ide i u participij preterita; za pojam *possum* osnova je *more-* (*mog-*), a ne *mor-*.

Ne možemo misliti da bi taj odnošaj osnova bio rezultat kakvog gramatičko-veštačkog rada (Slomšek jezičnih izveštačenosti nije voleo), nego treba držati da taj odnošaj odgovara nekim živim govorima. Uostalom kraće forme za *debeo* imamo i u narodnim pesmama.

U odnošaju *mor-* : *mora-* ja vidim odnošaj: *mori-* : *mora-*.

Zagreb, juna 1930.

Fr. Ilešić

3. Славянские этимологии.¹⁾

III. Сербо-хорв. *Gàvan* „имя какого-то богача“.

В сербо-хорв. народных сказках и песнях под этим именем воспеваётся какой-то богатый человек, который за свою необычайную жестокость к бедным был наказан Богом тем, что его усадьба была превращена в озеро (Балатон в Венгрии по одному рассказу, Червонде в Имотском по другому). С XVII в. это имя встречается и у писателей, которые обычно так называют богача в Евангелии (Лука XVI 19—31); в таком же значении употребляется имя *Gàvan* и в соврем. сербской народной песне (ср. Караджич, Нар. песме I 126—132). А Вук сохранил в своем Рјечник'е следующее предание о Гаване: „В монастыре Трноши в Ядре был нарисован с правой стороны у дверей обнаженный старец, которого опоясали змеи, жаля и впиваясь в его сосцы. Известно, что родители имеют обычай объяснять детям различные иконы по церквам и монастырям, — и мой отец мне рассказывал, что этот старец назывался „богатый Гаван“, и что, не смотря на

¹⁾ См. Јужнослов. фил. V 183 и сл.

свое богатство, он был весьма жесток и скуп, и за то его Бог наказал описанным образом (Караџић Рјечник³ 84, ср. также Budmani Rječnik III 114).

Судя по этим данным, можно было бы думать, что имя *Gāvan* принадлежало какому-то реальному лицу, но, подобно имени лидийского богача, царя Креза, стало нарицательным. Как ни естественно такое предположение, однако против него говорят следующие весьма важные обстоятельства.

Во-первых, история ничего не знает о таком богаче: ни в сербских исторических источниках, ни в иностранных не сохранилось никаких известий о сербском Крезе.

Во-вторых, самое имя *Gāvan* совершенно не употребительно в сербском быту как старинном, так и современном, — сербская ономастика, вообще говоря, его не знает. Единственное исключение представляет *Mico Gauan* в одном латинском документе XIV в. (Monum. Rag. I 139), но нельзя быть уверенным, что *Gauan* не играет здесь роль прозвища, тождественного с *народным* названием богача.

Таким образом, происхождение *Gavan* как лица и как имени окутано глубокой тайной, что принужден признать и сам составитель загребского академического словаря.

Но если так, то невольно закрадывается подозрение: да точно-ли *Gāvan* есть собственное имя? И не вернее-ли думать, что оно искони било нарицательным, но что, благодаря своей этимологической изолированности, осмыслено народом как имя какого-то сербского „креза“. Примерами подобного рода осмыслений кишит история любой народной поэзии, но нередко такая персонификация нарицательных имен встречается и в сочинениях разных писателей — дилетантов, переходя со страниц их сочинений даже в народ. Чтобы не ходить далеко за примерами, я сошлюсь на р. *чур*, из которого русские „ученые“ XVIII в., не зная истинного значения и происхождения этого слова (из корня **(s)keur-* „зарубка, черта“), превратили его в „бога границ“ (RES VIII 241).

Мы убеждены, что совершенно такой же случай превращения *appellativi* в собственное имя мы имеем и в сербск. *Gāvan*. Все указывает на то, что последнее есть остаток того корня **geu-* „получать, доставать“, которое так широко распространено в лт. языке. Я имею в виду именно такие образования, как *gāuti*, *gāunu*, *gavaĩ*, „получать“, *gaĩsua* „место изобилия“, *gausa* „имущество,

обилие“, *gausùs* „вместительность, обилие“, *gaūstis* „богатеть“. Эти образования, особенно praeteritum *gavai*, дают нам право восстанавить для праслав. языка глагол *gavati в значении „богатеть“; его причастие прош. врем. страд. зал. и представляет имя *gavanъ* „обогащенный“, ergo „богач“. В этом последнем значении, т. е. в качестве нарицательного имени, имя *gavan* небезызвестно и современному сербо-хорв. литературному языку — его не чуждается, между прочим, даже король хорватских поэтов Прерадович. Ср:

Oj čovječe, mučeniče,
Da si možeš pregledati
Vas imetak prebogati
Što ti ga je dao Bog:
Gavanom bi vidio se
Kom vjekovi diljem nose
Blago u skut jedan sve.

(Pjesnička djela, Zagr. 1873, str. 51).

В заключение еще два слова. Мы называли сербо-хорв. *gàvan* изолированным образованием, но эту изолированность надо понимать очень условно. Так как литовск. *gausùs* etc. современные этимологи (Berneker EW I 139) сближают с лат. *favere*, которое, в свою очередь, невозможно отделять от слав. *gověti*, то весьма вероятно, что *gàvan* связано нерасторжимыми узами родства с знатным семейством этого последнего слова, в заимствование которого не верят многие даже германские лингвисты, не исключая и новейшего исследователя герм. элементов в праслав. словаре Stender-Petersen'a (Slavisch-germanische Lehnwortkunde 61).

IV. Сербо-хорв. *tùtulja* „зоб“.

Это слово поразительно напоминает формой и звуками лат. *tutulus* „род головного украшения овальной формы“, но так как центры значения обоих слов находятся совсем в разных плоскостях, то нет основания считать сербское слово латинским заимствованием. Против этого говорит также очевидная связь имени *tùtulja* с сх. же *tùtlic* „сорт яйцеобразной тыквы“ и болг. *шѹшуля* „цевка“: все три предмета: „зоб“, „тыква“ и „цевка“ объединяются понятием „чего-то овального, шарообразного“. Но как раз то же представление лежит в основе и лат. *tutulus*. Поэтому уже давно этимологи (в последний раз Peterssen Beitr. 479), ничего не зная о славянских словах, выводят лат. имя из корня *teu-* „надыматься“;

формально лат. *tutulus* в таком случае оказывается удвоенным образованием *tu-tu-lus*. Хотя такое расчленение слов до известной степени подтверждается лтш. *tun-tu-lēt* „запутывается в разные одежды“, тем не менее, ввиду наличности в иде. языке переднезубного расширения корня *teu-* (ср. лт. *tautà* „народ“, собств. „масса, купы“ и т. д.), мы считаем не менее возможным выводить все перечисленные слова из корня **teu-t-* (ср. Trautmann BSW 315).

V. Сербо-хорв. *žùstar* „ловкий, проворный, шустрый“.

Единственная известная мне этимология этого слова принадлежит Matzenauer'у (CS 382). Именно он выводил его, хотя и не совсем уверенно, из ит. *justo* „справедливый, честный“. Но не говоря уже о том, что эта этимология не объясняет *-rž* в сербском слове, против нее говорит значение серб. прилагательного, которое не имеет почти ничего общего с смыслом итальянского. Это сознавал и сам Matzenauer, указывая (ib.), что в семасиологическом отношении к интересующему нас имени ближе подходило бы ит. *destro* „ловкий, умелый, хитрый“, но даже сам не находит возможности признать, чтобы *d* на сербской почве перешло в *ž*.

Но лучшим доказательством, что сербск. *жүсшар* не есть слово чужое, служит поразительная его семантическая и фонетическая близость к р. диал. (симб.) *жүсшро* „бойко, проворно“. Это слово, правда, осталось неизвестным Далю, но зато его приводит Словарь Академии Наук (II 626) и совершенно верно сопоставляет с сх. *жүсшар*.

Очевидное сходство серб. и русс. слов позволяет нам восстановить их праслав. форму как *žustrž*. Но как объяснить его происхождение?

Как и во многих других случаях, спасает положение литовск. язык: связанный миллионами нитей со славянским, он и в этом случае указывает путь к правильному объяснению слова. А именно трудно отрицать, что с значением *жүсшар* как нельзя лучше совпадает лт. *gubùs* „ловкий, искусный, смысленный, сведущий“. Но это слово, конечно, нельзя отделять от корня **güb-* в слав. *gъnъti*, лтш. *su-gaubti* „собирать в сноп хлеб“, лт. *dvi-gubas, trė-gubas* и вообще с корнем *geub-* (ср. Berneker EW I 360, Trautmann Balt-slav. Wb. 100). На слав. почве этот корень должен был измениться в *žub-*, а в соединении с суфф. *-st-* (ко-

торый доныне слышится в лтш. *gubstu* „извиваюсь“) в *žubst-* > *žust-*. Что касается суфф. *-rē*, то он, вероятно, того же происхождения, что и р. *шустрый*.

Эти комбинации доказывают, что значение „ловкий“ в слав. *žustrъ* и лт. *gubùs* развилось из значения „умеющий во время согнуться“. В общем же оба слова представляют прекрасную семантическую параллель к лт. *vikrùs* (того же значения), образованному от корня *vei-* „вить“ (*B ū ga Kalba ir senovē* 73).

VI. Сербо-хорв. *ùditi* „вредить“.

Подобно тому как праслав. глагол **verditi* „вредить“ (дис. *врѣдити*, б. *врѣдѣ*, с. *vrediti*, п. *wrzedzić*, р. *вередѣшь*) образован от корня **uerdh-* „резать“ (ср. гт. *warten* „вредить“, др.-инд. *vardh-* „обрезывать“ Miklosich EW 383), и подобно тому как нем. *schaden* ведет начало от корня **sketh-* того же значения (ср. гр. ἄσκηθής, Kluge⁶ 330), и синоним этих слов. — сх. *ùditi* представляет собой результат подобного морфологического и семасиологического процесса. В самом деле, более чем вероятно, что его корень восходит к иде. **oũdh-*, который сам есть не что иное как первая „полная ступень“ (VS I) двусложной базы **ouedh-*. Ее же „вторая полная разновидность“ (VS II) **uedh-*, resp. **uodh-* дошла до нас в др. инд. *vadhajati* „заставляет бить, убивать“, *vadhas* „убийца, удар“, *vadhriṣ* „скопец“; удлиненная ступень той же разновидности, сохранилась в слав. *vaditi* „мешать, препятствовать, вредить“ (ч. *vaditi*, п. *wadzić*). Наконец, не исключена возможность, что оба слога базы доныне живут в слав. *ovodъ*, resp. *ovadz* „oestus“ (ср. Matzenauer LF XI 334).

Итак, сх. *ùditi* означало первоначально „резать, портить“. К этому значению совершенно точно подходит то сх. *ùditi*, которое значит „резать, портить“ и которое Даничић (Ког. 193) ошибочно считал производным от имени *ùd* „член“ („делить на члены“). Что касается лт. глагола *udyti* „бранить“, с которым сопоставлял сх. *ùditi* Miklosich (LP² 1039, EW 379), то, повидимому, оно ведет свое начало от звукоподражательного корня **aęed-* „кричать“, ср. гр. αὐδή „крик“, др.-инд. *vádati* „говорит“ итд. (Hirt, Ablaut § 613).

VII. Сербо-хорв. *čàpra* „кожа, кожаный мешок“.

Происхождение этого слова не вполне ясно. Matzenauer (Cizí slova 136) предполагал заимствование из тур. языка, но ука-

зять точно источник слова ему не удалось; загребский академический словарь неуверенно сближал *čāpra* с тур. *çevre* „плащ“ (I 890), но серб. *p* не может соответствовать османск. *v*, а *a*—*e*.

Между тем, если принять во внимание, что слав. названия „кожи“, „шкуры“ обычно производятся от корней, обозначающих „резать, драть“ (ср. *skora* < *sker* „резать“, *škura* < *skura* < *skour-id. итд.), нельзя не придти к мысли, что и *čāpra*, точнее *čap-žr-a* образовано от известного иде. корня *(s)*kēp-* „резать“; его корень отличался бы в таком случае от *čерьсь* „чепец“ (РФВ LXXIV 123) лишь удлинненной ступенью своего вокализма, а его суффикс *-žr-* совпадал бы звук в звук с формантом лт. *kerūrē* (ср. JФ V 185).

Если наша догадка верна, то имя *čapžra* выйдет из своего изолированного состояния в сербском словаре. Оставляя в стороне формы с „подвижным s“ (*ščapъ* и пр.), к нему мы теперь присоединим сх. *čāpur* „пень срубленного дерева“, *čāporak* id. и *čāprlj* id. Последнее имя, правда, Berneker (EW I 143) выводил из итал. *cepperello*, но без всякого основания.

VIII. Бл. врѣга „шишка“.

Говоря об этимологии имени *čirъ* (РФВ LXX 258 слл.), мне уже приходилось указывать, что в слав. языках имеется довольно значительное число слов, обозначающих различные „опухоли“, „нарывы“, „шишки“ и пр., и ведущих начало от корней с исконным значением „резать“. Новым примером такого рода образования может служить слово, которое мы выписали в качестве заглавия настоящей заметки.

В самом деле, трудно сомневаться, что б. *врѣга*, как и чередующееся с ним *врѣга* „нарост, шишка, булдырь“, образовано от того корня **цег-* или, точнее, от той базы **церег-*, которая лежит в основе столь общеизвестных слов., как гт. *wrikan* „преследовать, мучить“ или лат. *urgere* „теснить, толкать, гнать.“ Из слав. словаря сюда же можно присоединить *vorgъ, первоначальное значение которого: „тот кого подкалывает, режет“ наилучше сохранилось в ч. *vrah* „убийца.“ Из понятия „убийца“ развилось, с одной стороны, значение „дьявола, черта“ (согласно учению церкви, что он человек-кошеница бѣ искони) в цсл. *врагъ*, сх. *vrâg*, п. *wrôg*, р. *vôroг*, а, с другой стороны, „опасного, вредного человека“, которое сосуществует с первым в цсл. *врагъ*, п. *wrôg* и р. *vôroг*. Сообразно с этим. и *vôrzъda первоначально обозначало „убийство“ — ср. сх. диал. *vrâžda* „суд за убийство“ и

ч. *vražda* „убийство“, — и лишь впоследствии получило значение „неприятных отношений вообще“ в дс. *вражда*, б. *враждā* и с. *vražda*. А так как грозящее смертельной опасностью положение является для человека „бедствием“, то делаются понятными и значение „нужды, несчастья, беды“, которое имеет лт. *vařgas* и значение „терпеть, нужду“ в лт. же *vargti*; но лт. *vėrgas* „раб“, которое часто относят сюда же (Преображенский ЭС I 100), скорее образовано от корня **uerg-* „связывать“, не имеющего ничего общего ни с корнем **uerg-* „резать“, ни с корнем **uerg-* „повергать“, как полагает Преображенский ib., вопреки указаниям Persson'a Beitr. 501.

Но что такое представляет собой база **uereg-*, которая лежит в основе б. *врѣа* и *врѣа* и их перечисленных инослав. и иде. родичей? Ответить — не трудно: без сомнения, она является не первичной морфемой, а лишь заднебным расширением известного иде. корня **uer-* „отделять, резать“. Как показал не так давно Persson Beitr. 278, такое расширение не было единственным в иде. языке, но сопровождалось и целым рядом других. Из них мы назовем лишь те, которые представляют интерес для слависта.

Во-первых, зубной детерминатив мы имеем в праслав. *verdъ, ср. дс. *врѣдъ* »*λάβη, βλάβη, πάθος*«, б. *врѣдъ* „вред“, сх. диал. *vr̥jed* „веред, опухоль“, с. *vr̥ed* „удар, рана, опухоль“, ч. *vřed* „опухоль“, п. *wr̥zód*, р. *v̋er̋ed*, которые уже Miklosich EW 383 совершенно верно сближал с др.-инд. *vardh-* „обрезывать“, другие параллели ср. Walde EW² 823 и Persson Beitr. ib. Во всяком случае, слово *verdъ не имеет ничего общего с др.-инд. глаголом *v̋ardhati* „растет“, как предполагал Преображенский ЭС I 74.

Во-вторых, зубноносовой детерминатив, согласно выводам Persson'a ib., расширяет наш корень в праслав. *vorna „отверстие, дыра“, ср. б. *врѣна* „затычка“, ч. *vr̥ana* „бочечная втулка“, п. *w̋r̋ona* „отверстие“, р. *v̋or̋ona* „отверстие в корме судна, где проходит руль“. В принципе верно объяснил эти слова еще Поттебня (К ист. зв. II 8); напротив, ошибочно сближал их Miklosich EW 152 с корнем **uer-* „запирать“ (ср. также Преображенский ЭС I 17).

В третьих, в качестве определителя нашего корня выступает зубной спирант в праслав. *v̋rchъ* „вершина“, о котором ср. Изв. XX, 3, 102.

• Наконец, в четвертых, тот же детерминатив, усложненный формантом — *k-*, мы имеем в **vorska* „чида“, — ср. цсл. *враска* „чида“, сх. *vrāska*, с. *vrāska* „складка кожи, трещина“, — в глаголе **verskati*, ср. с. *vrěskati* „производить трещину“.

IX. Бл. струвамъ „делаю“.

Что этот глагол нельзя отделять от б. *сѣвор'ъ* и вообще от праслав. *sъtvoriti*, с этим согласны, кажется, все лексикологи. Но остаются совершенно неясным фонетическое и морфологическое взаимоотношение обеих глагольных форм.

На первый взгляд, может показаться правдоподобным предположение, что *сѣструвам* возникло из *сѣ(в)ор-увамъ*, вследствие выпадения *о*. Но мало сказать „выпадение“, необходимо еще подыскать для него сколько-нибудь рациональную причину. Ведь по общему закону болгарское неударяемое *о* или переходит в *у* или остается без изменения.¹⁾

¹⁾ Правда, Лавров приводит в своем „Обзоре“ (стр. 15) несколько примеров спорадического „выпадения“ *о*, но все они, при ближайшем рассмотрении, оказываются мнимыми. Так, в форме *хѣ* (= *хѣтѣ*) выпало не *о*, а *ъ* (ср. Verneker EW I 398). — То же следует сказать о форме *цѣрква*: параллельное *цѣрква* получила свое *о* из формы в син. п. *цѣрковь*. Как показано в наших сложных местоимениях² 71, 123 (ср. также ПГ § 273) в наречиях типа *до-кле*, мест. *шакво*, *какво* и даже в *шваръ* мы имеем дело с выпадением не *о*, а *ъ*. — Свидетельство п. *ктѣру* и лт. *katrās* делает в высшей степени вероятной мысль, что в б. *никушрѣ* после *ш* никогда не было никакого гласного звука. — Повидимому, чередование суффиксов *-ъв-* и *-ов-* у одной и той же основы на *-и-* мы имеем в *пол(ъ)вина* и *юловина*: первое относится ко второму приблизительно так же, как напр. прилаг. *медъвьнъ* относится к *medovina*. — С точки зрения той этимологии имени *товаръ*, которая предложена в Изв. XXIII, 2, 191, не представляет ничего странного и его дублет *шваръ* (чит. *tъvarъ*). — В форме *бивлишѣ*, по всей вероятности, таится суфф. *-ъл-*, точно соответствующий лат. *-ulus* в *būbulus*. — Форма *юшв'ъ* образована по аналогии глаголов типа *бодвам*, где, если и выпал какой гласный, то не *о*, а *-у-* (в. **бодувам*). Поэтому напрасно Младенов в своей новейшей *Geschichte der bulgarischen Sprache* (Berl. und L. 1929, § 55) ссылается на эти глаголы как на примеры выпадения *о*. Последний лингвист к примерам Лаврова прибавляет еще *забикалям* и *обикалям*, хотя такие формы, как *наблѣвам*, ясно указывают, что речь здесь может идти только о т. н. декомпозиции глагольных префиксов (ср. PF XI 182); ничего не доказывает и форма *забравъ* „забываю“: корень этого слова **bh(у)gr* — относится к корню **bh(ц)or* в *заборавъ* как низшая ступень к высшей. Что касается *сирмахъ*, то его отношение к *siromachъ* имеет параллель в чередовании р. *балмошъ*: *боломошь* „дурь, сумасбродство“: она указывает, что мы находимся здесь перед лицом чередования двух разновидностей одного и того же суфф. превосходной степени: *от* (> слав. *-ѣт-*) и *-ото-*.

Но, насколько мне известно, такая причина еще не найдена, и потому мы решаемся предложить для объяснения *сѣрувам* следующую гипотезу.

Законы славянской апофонии („чередования гласных“) позволяют, рядом с корнем **tver-* (ср. лт. *tveriu tvėrti* „класть, заключать“), построить корень **tvr-*, как низшую ступень первого. И, действительно, лт. *tvirtas* „крепкий“, и слав. *tvьrdъ* показывают, что наше предположение есть нечто ббльшее, чем простая теоретическая реконструкция. Но если так, то мы вправе допустить существование в праслав. языке и глагольного корня **tvьr-*, а, в частности, такой формы наст. вр. *tvьrę*, которая относилась бы к лт. **tvirti* так, как слав., напр., *tvьrę* относится к лт. *mirti*. На болгарской почве глагол *tvьrę* был расширен столь употребительным суфф. *-увамъ*, в результате чего возникла новая форма — *ѣвьр-увамъ*, откуда после полной диссимиляции первого *v* со вторым и после выпадения слабого *ь* и получилось **ѣрувамъ*. В соединении с префиксом *с(ъ)-* оно и дошло до нас в соврем. литературной формѣ *сѣрувамъ*.

Х. Церковнослав. солыга „ѣалка, ѣосох, ѣросѣ“.

Это встречающееся во многих церковнославянских памятниках (сербской и русской редакции) имя Matzenauer (CS 310), хотя и считал темным, все-таки, не поколебался зарегистрировать в числе заимствованных слов, неуверенно сближая его (как и р. *шелыга* „железная палка“) с ср.-гр. *σαλίζα* „род оружия“. Конечно, это объяснение не могло встретить сочувствия у Miklosich'a (EW 314): из комбинаций чешского лингвиста он принял только сопоставление с р. *шелыга*, но и он оставил открытым вопрос об отношении начального согласного русс. имени к такому же звуку церковнослав. После Miklosich'a имя солыга, насколько мне известно, не обращало на себя внимания этимологов.

В виду этого, позволяю себе высказать следующие соображения о происхождении загадочного слова.

К числу лучших страниц капитального исследования P. Persson'a „Beiträge zur idg. Wortforschung“ (Upps. 1912) принадлежат, между прочим, те, которые посвящены изысканиям о происхождении лат. *solium* „кресло, трон, ванна“ (SS 379—386). Решительно оспаривая обычное производство этого слова из корня *sēd-* „сидеть“ (которое отстаивает даже Walde ² 722), шведский лингвист возводит его вместе с лт. *súolas* „скамья“ (которое соединяли

с лат. именем еще Fick EW³ II 67, Schmidt KZ XXXVI 102 и Lindsay LSpr. 327) с корнем **suel-* (точнее к его двусложной базе **seuel-*) „палка, балка и то, что сделано из них“; из того, же источника Persson выводит др. инд. *sāras* „корыто, ведро“, лт. *silis* „ясли“, *sėlė* „корыто“, лтш. *sile* „корыто, ясли“, причем в балт. словах он с полным правом видит потомков низшей ступени упомянутого корня **sl-jo-*.

Все эти образования, взятые в совокупности, не позволяют сомневаться, что исконным значением корня **s(u)el* было „палка, бревно“. А если так, то уже простой здравый смысл велит сюда же присоединить и цсл. *солыга*: это имя образовано от корня *sol-* с помощью того суфф. *-yga*, который наблюдается, напр., в таких словах, как *bulyga*, *kzrkyga*, *skzvalyga*, ит п.; напротив, *солига*, известное в некоторых церковнослав. памятниках русского извода, заключает в себе суфф. *-iga* (ф. *kovriga*, *koblīga* и пр.).

И так, цсл. *солыга* геср. *солига* представляют собой образования от высшей ступени корня **suel-* и в этом смысле являются ближайшим родичем лат. *solium* и др.—инд. *sāras*. Но мы видели выше, что иде. языку не были безызвестны и формы от низшей ступени того же корня; ср. вышеупомянутые балтийские образования, отражающие иде. **s^l-*. При таких обстоятельствах, естественно думать, что рядом с **s^l-* иде. язык знал еще другую разновидность редуцированной ступени — **s^o-*. На слав. почве эта последняя должна была бы звучать как **szl-*. Вполне возможно, что она дошла до нас в следующих двух образованиях:

1) Церковнослав. *слага*. Оно сохранилось в одной Минее русс. редакции во фразе: оловяными слагами бити по ребрамъ (*plumbo tundi latera*). Первоначальная его форма была бы в таком случае **szl-aga-*.

2) Русс. *ослойз*. Мы читаем это слово, которое встречается как в древне-русс. письменности, напр. в Житии Стефана Пермск., в Никон. летоп. (Срезневский Матерьялы II 725), так и в современных русских говорах в значении „палка, жердь, дубина“, — как *о-szl-опз*, где *szl-* есть корень, — *-оп-* суфф. (*vbrz-опз*, *vbrt-опз*), а *о-* преф., повторяющийся, между прочим, в *о-skzrdz* „большой топор“ (ср. пр. *skurdis* „кирка“). Что *ослой* ни в каком случае не могло упроститься из *(о)сшзльз* „столп“, как учили Грот (Труды II 927), Соболевский (РФВ LXIV 123) и Преображенский (ЭС I 663), это лучше всего доказывает с. *роslōrje* „здание“, с которым совершенно верно сравнивал наше

имя еще Miklosich EW 432; поэтому с полным правом отделяя *ослойъ* от *сшолйъ*, *осшълойъ* Шахматов (Очерк § 427). Только как курьез напомним, что Горяев ЭС 242 сближал р. *ослой* с *шлейок*, *шлейашъ*.

Говоря о происхождении цсл. *слага*, р. *ослойъ* и с. *poslôpje*, я должен сделать одну существенную оговорку: их корень лишь в том случае может отражать низшую ступень корня *sol-*, если в этих словах некогда слышался *ž* после *s*. Но так как этого доказать нельзя за неимением более древних примеров, чем XVI в., то мы должны учесть и другую возможность происхождения перечисленных слов: а именно они могут отражать т. н. „вторую разновидность“ баз, **s(e)leg-* и **s(e)lep-*; в таком случае *slaga* представляла бы ее удлинненную высшую ступень, а — **slopъ* ее нормальный краткий вариант.

Москва

Г. Ильинский